

IV. Дом жилой (сторожа) рубленый под соломенной крышей. Постройка старая. В доме 2 комнаты и одни сени, двери и окна сохранились, пол земляной». Цей документ був переданий голові Батуринського товариства бджолярів В.І. Дубраві. [1, арк. 218-219 об].

Під час обстеження садиби Кочубеїв комісія з'ясувала, що в будинку сторожа проживає громадянка Дяченко. Також вона користувалася частиною землі, яка входила до Кочубеївщини. Голова Конотопської окрполітпросвіти М.Г. Вайнштейн звернувся до Батуринського Райвиконкому; його цікавило, на якій підставі громадянка Дяченко користується будинком та землею. 30 грудня 1924 р. Батуринський Райвиконком дав відповідь: «Громадянку Дяченко землю і будинком не наділяли, живе вона там на посаді сторожа більше 30-ти років. Для одібрання землі і будинку звертайтесь до суду» [2, арк. 98.]. Про рішення суду ми довідалися із опису садиби В.Кочубея (1926 р.), який знаходиться в Центральному державному архіві вищих органів влади України. В ньому зазначено: «Чернігівським Губземсудом частина садиби була присуджена громадянці Дяченко, доньці колишнього сторожа, яка претендувала на сторожку, конюшню та город...» [3, 39]. Щоб встановити ім'я громадянки Дяченко науковими працівниками заповідника були зібрані спогади у Миколи Микитовича Дяченка, який доводиться онуком Дмитру Косьмовичу Дяченку – сторожу садиби Кочубеїв в кінці XIX – на початку XX ст. Він стверджує, що до 1934 р. в будинку сторожа проживала дружина його діда, Анна Андріївна Дяченко (1871 р. н.). Саме вона була учасницею судового процесу, так як жодна із чотирьох доньок Дмитра Косьмовича на той час не були повнолітніми.

Отже, вивчаючи архівні документи, нам вдалось прослідкувати історію садиби Кочубеїв у 20-х роках XX ст.

Посилання

1. Державний архів Сумської області, ф. Р - 4653, оп. 3, спр. 7
2. Там само, спр. 265.
3. Батурин: історія в пам'ятках / За ред. Ребрової Н. – Ніжин, 2008. – 112 с.

Огневская. Р.И. Батуринская усадьба Кочубеев в 1923-1924гг. (за материалами Государственного архива Сумской области)

На основании архивных источников раскрывается история батуринской усадьбы В. Кочубея в 20-х годах XX века.

Ключевые слова: Батурин, усадьба, В. Кочубей, общество пчеловодов, музей, документы, окрполитпросвет.

Ohievskia R.I. The Kochubeis' Baturyn estate in 1923-1924 (According to materials of the State Archives of Sumy region)

On the basis of the archival sources the history of V. Kochubeis' Baturyn estate in the 1920-th years is revealed.

Key words: Baturyn, estate, V. Kochubei, beekeepers society, museum, document, okrpoltprosvita.

12.03.2013р.

УДК 329.723 (477.75) «1920/1930»

Г.Н. Кондратюк

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ» В КРЫМСКОЙ АССР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье анализируется деятельность «Союза Воинствующих Безбожников» в осуществлении коренизации в Крымской АССР. Прослежена дифференциация антирелигиозной политики в отношении национальных меньшинств автономии. Изучена специфика мероприятий этнополитики в межвоенное двадцатилетие.

Ключевые слова: «Союз Воинствующих Безбожников», антирелигиозная деятельность, Крымская АССР.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современная Украина является поликонфессиональным государством. Сохранение межрелигиозного мира – одна из важнейших задач процесса государственного строительства, чему может помочь изучение истории межвоенного двадцатилетия. Цель статьи в том, чтобы проанализировать деятельность «Союза Воинствующих Безбожников» (СВБ) в курсе этнополитики в Крымской АССР в 1920-1930-х годах. Анализ работы «СВБ» в сфере национальных отношений был начат ещё в межвоенное двадцатилетие. Это работы П. Тихомирова [1]. Однако они во многом носили пропагандистский характер. Тихомиров являлся руководителем Симферопольской региональной организации «СВБ». Новый этап в изучении деятельности «СВБ» начался с момента обретения Украиной независимости. Положение ислама в Автономной Республике Крым, тенденции сегодняшнего дня изучены в работе Э.С. Муратовой. Автор отметила, что «советская власть нанесла окончательный удар по развитию ислама в Крыму. К 1940-м годам на полуострове не осталось ни одной действующей мечети, большая часть их под предлогом неудовлетворительного санитарно-технического состояния была закрыта, а остальные переданы под клубы, склады и школы» [2, 7]. Однако ситуация была значительно сложнее. Двадцатые годы были временем относительно внимательного отношения власти к потребностям мусульманских общин.

В январе 1925 года было создано общество «Безбожник», работу которого направляло бюро Крымского обкома РКП(б). Руководство общества разработало его устав, инструкции и программы деятельности. Однако в регионах создать местные кружки, за исключением Феодосийского района, не удалось. Пропагандисты обкома констатировали, что неудача в ведении антирелигиозной работы объяснялась тем, что «крымские условия, прежде всего многонациональность, создают чрезвычайно пёструю картину религиозных верований, затрудняющих выработку общего плана и общей программы для антирелигиозной пропаганды» [3, л. 47]. В последующем не раз

отмечалось, что статистические данные характеризуют «слабость работы СВБ в деревне среди татар и немцев, т.е. среди тех групп населения, где особенно сильно влияние религиозных организаций» [4, л. 13].

Уровень религиозности народов, живших в Крымской АССР в межвоенный период, был различен. Значительным он являлся у крымских татар и немцев. «Религиозность среди татарского населения велика. Духовенство в жизни крестьянства играет видную роль» [5, л. 142].

Аналитический отчёт Крымского ОК РКП(б) за январь-апрель 1925 года констатировал: «Религиозность среди татар очень велика, что особенно сказывалось в связи с предстоящими праздниками. Мечеть посещали все за исключением комсомольцев. Постились все, даже учительство. Предсельсовета и т.д. и если даже не постились, то это скрывали от населения, дабы не подорвать свой авторитет. Часты попытки нелегального преподавания Корана» [6, л. 22]. В информационном отчёте «СВБ» за апрель-июнь 1925 года фиксировалось, что «муллы пользуются громадным авторитетом и влиянием на местную жизнь. Сборы на их содержание среди населения являются почти обязательными. В связи с вовлечением татмолодёжи в союз комсомола и пионеров, муллы встревожены возможностью прививки атеизма, и принимают меры к пресечению, действуя через стариков» [7, л. 112].

Информационный отчёт «Состояние религиозного движения в Крыму» характеризует события 1927 года. Особенное внимание уделено процессам, происходящим в среде крымских татар: «Мусульманское духовенство внутри себя делится на 2 ориентации: регисстов и прогрессистов. Первая является более реакционной и антисоветской... Вторая же ориентация прогрессистов является более лояльной к советской власти и разделяет учёбы молодёжи в советском духе, а также просвещение деревни» [8, л. 36].

1920-е годы отличались определённым ослаблением негативного воздействия государства. Одна из причин в том, чтобы в рамках политики коренизации не вызывать сопротивления со стороны национальных групп. С 1923 по 1928 годы было вновь открыто 24 молитвенных дома: 13 лютеранских, 2 православных, 1 баптистский, 7 менонитских и 1 евангелических христиан [9, л. 38]. На 1 октября 1925 г. было зарегистрировано 255 обществ, а к 1 января 1928 г. их было на 6 меньше [10, л. 38]. Общее количество духовенства в Крыму составляло 902 человека. В 1928 г. в Крыму функционировало 495 мечетей, насчитывалось 546 служителей культа, действовало 7 школ по изучению Корана [11, л. 74].

«Союз Воинствующих Безбожников» действовал в Крыму в сложных условиях. С одной стороны он должен был реализовать установки государственного атеизма. Но с другой стороны, советская власть стремилась для национальных меньшинств представить

себя как такую, которая освободила от национального и религиозного угнетения. 1920-е годы характеризуются такими взаимоисключающими тенденциями. За время с 1920 по 1929 год в Крымской АССР были закрыты 103 православных храма, 15 еврейских синагог, 1 караимский храм и 15 армянских церквей. В 1929 г. действовали 21 еврейская синагога, 6 крымчакских и 6 караимских храмов, 15 армянских церквей, 4 болгарские и 14 греческих церквей. За время существования советской власти с 1920 по 1929 год было открыто только 7 синагог. Это были молитвенные дома в местах переселения евреев на север Крыма, на переселенческих участках Джанкойского района. В 1929 г. проповедническую деятельность в Крыму осуществляли 25 раввинов, 14 представителей армянского, 4 караимского, 4 болгарского и 4 греческого духовенства [12, л. 54].

Вопросы антирелигиозной пропаганды рассматривались на XII областной партийной конференции, проходившей в Симферополе 27 января – 2 февраля 1927 г. Отношение религии и власти, свобода деятельности религиозных общин были проанализированы в докладе наркома просвещения Усеина Балича. Балич, в частности, призывал власть и деятелей «Союза Воинствующих Безбожников» быть осмотрительными: «В области антирелигиозной пропаганды необходимо относиться к этому вопросу весьма осторожно, сугубо осторожно, ибо, зная наше население, его некультурность и крепкие традиции, в особенности среди татар и нацмен, мы не можем антирелигиозную пропаганду вести по шаблону» [13, л. 160 об.]. Докладчик предложил функционерам «СВБ» вести работу через избы-читальни и библиотеки в деревнях. Для изб-читален приобреталась соответствующая литература. В 1930 г. было выписано газеты «Безбожник» 1200 экземпляров и 100 экземпляров антирелигиозного журнала [14, л. 6]. При этом в антирелигиозной пропаганде нужно сконцентрироваться на личностях «духовенства, мулл, священников и др. служителей культов, которые имеются в деревне» [15, л. 7]. Сила традиции давала о себе знать, и коммунисты крымские татары подвергали критике не вероучительные положения ислама, а отдельных священнослужителей, их человеческие недостатки и слабости. От критики религии в 1920-х годах крымскотатарские пропагандисты отказались, продолжая критику отдельных священнослужителей. Глубинная причина заключалась в том, чтобы коренизация привлекла симпатии крестьянства. Крикливая антирелигиозная кампания могла оттолкнуть национальное крестьянство. Эта эволюция фигурирует в отчёте о антирелигиозной работе татарской секции Крымского обкома РКП(б) с февраля 1923 года по март 1924 года. Авторы документа указывают: «В первое время вели крутую и резкую политику по отношению к духовенству. На страницах газет «Новый мир» и «Юная сила» была открыта

антирелигіозна кампанія і в перший раз в Криму були критиковані духовенство і релігія. Така жє сама работа була проведена і в клубах. В некоторых районах, например в Бахчисарає на дискуссиях о релігії принимали участие и муллы, которые остались победёнными. ...есть и отрицательные стороны такого метода борьбы против релігії, но пока, временно пришлось отказаться от этого. Поэтому Татсекция нашла более целесообразным обличение духовных лиц, осмеивание смешных обрядов, чем нападки на сущность релігії» [16, л. 22].

Антирелигіозна діяльність «Союзом Воинствующих Безбожников» осуществлялась в различных формах. Это были лекции, в некоторых случаях театральные постановки. Работа проводилась через ячейки «СВБ». На январь 1931 года в Крымской АССР насчитывалось 420 ячеек, из них 321 в городе и 99 в деревне. Руководство организации признавало, что «не более 10 % являются активными работающими ячейками... Большинство ячеек СВБ числится только на бумаге» [17, л. 13]. Вопросам антирелигіозной пропаганды было уделено внимание на проходившем 20-22 мая 1928 года Всекрымском нацменкультсовещании. В резолюции по докладу Фридмана «Культурная революция и задачи нацменкультстроительства» перед «Союзом Воинствующих Безбожников» ставилась задача «рассматривая релігію, как злейшего врага в борьбе за культурный новый быт на базе новых создаваемых диктатурой пролетариата производственных отношений среди трудящихся нацмен всех релігій, надо направить особенно сильный удар в эту сторону, используя научные данные» [18, л. 24].

Вопросы взаимосвязи и практической реализации национальной и религиозной политики рассматривались на областном партсовещании по вопросам национального строительства, проходившем в декабре 1929 года в Симферополе. В резолюции совещания «О национальном строительстве в Крымской АССР» перед «Союзом Воинствующих Безбожников» было зафиксировано задание активизации антирелигіозной пропаганды: «Совещание предлагает усилить наступление против религиозной, антисоветской деятельности духовенства и, в частности, мусульманского и сектантских организаций путём широкого развёртывания антирелигіозной пропаганды» [19, 16].

В начале 1930-х годов антирелигіозна пропаганда на порядок активизируется. Так «Союз Воинствующих Безбожников», подводя итоги в своём отчёте «О проведении антипасхальной кампании», констатировал: «Была проведена большая разъяснительная работа к антикурбанской и антипасхальной кампании, только по Симферополю и Керчи проведено 109 докладов... антикурбанских докладов на татарском языке проведено 30». К указанной пропагандистской работе было привлечено 150 человек актива

«Союза Воинствующих Безбожников». Из них сформировали 6 бригад, из которых 4 были направлены в колхозы и совхозы Крима и 2 – по рабочим центрам. Как несомненный успех авторы отчёта указывают на создание 14 новых ячеек «СВБ». Общая численность организации в Крымской АССР в 30 тысяч членов не должна вводить в заблуждение. Членство носило формальный характер, вступление проводилось принудительно. Правление организации было вынуждено признать, что «систематическую нагрузку выполняют не более 20 человек» [20, л. 5]. Необходимо отметить, что антирелигіозна діяльність в 1930-х годах стала несомненно более агрессивной. Эта діяльність была дифференцированной по отношению к различным народам. Структурно же сам «Союз Воинствующих Безбожников» включал очень мало представителей национальных меньшинств. Так, в 1930 году из общей численности в 40 тысяч членов крымских татар насчитывалось 6500, евреев 4500, немцев 560, крымчаков 214, караимов 130, армян 86, греков 40 [21, л. 4]. По отношению к общей численности указанных народов такое количество членов «СВБ» было ничтожным. Активной являлась антирелигіозна пропаганда, направленная против немцев и меннонитов Крима. В докладной записке 1936 года «О состоянии антирелигіозной пропаганды в Тельманском районе» работник агитпропотдела Буркальцев указывал: «Из 37 немецких колхозов в районе наиболее поражены, в части активного действия религиозников, являются колхозы с менонитским населением (примерно 10 колхозов)... в своём подавляющем большинстве религиозники, состоя из людей, ранее состоявших членами церковных советов, бывшие кулаки – сейчас изменили тактику и методы своей деятельности и ушли, в полном смысле этого слова в подполье» [22, л. 1].

Начало 1930-х годов знаменуется активным закрытием культовых сооружений. На 1 января 1930 года в Крымской АССР официально было закрыто 280 зданий, из них в 1929 году – 76. Статистические сведения говорят о том, что «год великого перелома» стал переломным и в отношении к релігії. Однако власти не ограничивались только стремлением к закрытию храмов, но важнейшей целью было изменение мировоззрения людей и массового сознания. Эта цель была чётко зафиксирована «Союзом Воинствующих Безбожников» в «Обзоре о деятельности религиозных организаций в Криму и о состоянии антирелигіозной работы»: «Несмотря на несравненный рост безбожия – даже в пролетарской среде, благодаря отсутствию массовой антирелигіозной пропаганды, имеются не только сторонники релігії, но и их руководители и что становясь безбожником под влиянием всего процесса социального строительства, рабочие и трудовое крестьянство всё же не закрепляют своё новое убеждение с соответствующим пониманием и знанием – отчего его безбожное миро-

воззрение является чрезвычайно путанным и подчас нелепым, колеблющимся и что нутра масс антирелигиозная пропаганда ещё не дошла» [23, л. 4 об.].

В Крымской АССР действовал областной совет «Союза Воинствующих Безбожников». В 1930 году его председатель Штейнбах в отчёте указывал, что общее число членов организации составляло более 28 тысяч человек. При этом автор обращал внимание на рост в 300 % членов организации за период 1929-1930 годов. В своём отчёте автор признаёт наличие «многочисленных «левых» перегибов (снятие колоколов и закрытие церковей административным путём, без участия населения, головотяпское собрание икон для костров)» [24, л. 19]. Автор отмечает важность такой формы работы, как проведение конференций антирелигиозного актива. В 1928 году в Симферополе состоялся I Всекрымский съезд безбожников. По итогам его работы была принята резолюция «О состоянии религиозных течений, групп и сект и антирелигиозной пропаганде в Крыму». Документ среди приоритетных задач определял следующие: «Принять решительные меры к внедрению массовой антирелигиозной пропаганды в работу низовых культурных единиц: школ, изб-читален, клубов» [25, л. 70].

В 1930 году были проведены две конференции: антирелигиозного актива Симферопольского района и Всекрымская конференция татарского антирелигиозного актива [26, л. 20]. Руководители организации констатировали, что «до последнего времени в СВБ слабое участие принимали татарские работники и только сейчас поставлен вопрос о коренизации аппарата Областного Совета СВБ» [27, л. 15]. Просчётом Областного Совета «Союза Воинствующих Безбожников» стала попытка проведения конференции немецкого антирелигиозного актива. Конференция не состоялась, так как немецкое население её проигнорировало. Тогда областной совет «СВБ» попытался провести конференции в тех районах, где немцы проживали компактно, однако и эта инициатива оказалась сорвана. Немецкое население Крымской АССР было религиозно и этот фактор выступал как один из аспектов самоидентификации. Неудивительно, что в рамках политики коренизации значительная роль отводилась антирелигиозной деятельности.

Серьёзное противоречие заключалось в том, что коренизация должна была вызвать симпатии населения к власти, создать социальную базу поддержки прежде всего среди крестьянства. Антирелигиозная пропаганда выступала как раздражающий фактор для представителей национальных групп. Таким образом, в рамках осуществления национальной политики необходимо было решить две взаимоисключающие задачи. Особое внимание в рамках антирелигиозной пропаганды отводилось деятельности среди мусульманского населения. В 1920-х годах эта антирелигиозная пропаганда была очень аккуратна.

Функционеры организации отмечали удивительную трансформацию мировоззрения: «Часть мусульманского духовенства считает Магомета коммунистом. В деревне Сарыбай, Керченского района, женщины заявляют: «Наш мулла – советский мулла и его трогать нельзя» [28, л. 18]. Областной совет «Союза Воинствующих Безбожников» разослал в регионы «программу антирелигиозного кружка среди татар, ... тезисы об уразе на татарском языке, тезисы против курбан-байрама» [29, л. 20]. «СВБ» стимулировал деятельность секции по работе среди татар. Эта секция «подготовила к печати антирелигиозный учебник для татар, переработав для этой цели антирелигиозный учебник для крестьян, изданный в Москве» [30, л. 22]. Однако, эффект данной работы был незначительным. Это было отмечено Л. Ахметшиновым, представителем Центрального совета «СВБ», проводившем в январе 1931 года проверку Крымской организации. В своей докладной записке он отметил, что «работа среди татарской части населения была слаба, отсутствует татарский актив безбожников. В Областном Совете СВБ не было до сего времени ни одного штатного работника-татарина» [31, л. 33].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в работе «СВБ» в Крымской АССР этнический фактор являлся одним из доминирующих. Антирелигиозная пропаганда должна была учитывать специфические особенности быта и традиций народов полуострова. Однако, центральная задача работы была определена III Пленумом Центрального Совета «СВБ» как «подчинить борьбу с религией интересам и задачам классовой борьбы и соцстроительства» [32, л. 40].

Ссылки

1. Тихомиров П. Безбожие победит (Обзор текущей деятельности религиозных организаций и работа СВБ в Крыму). / П. Тихомиров. – Симферополь, 1930.
2. Муратова Э.С. Ислам в современном Крыму. Индикаторы и проблемы процесса возрождения / Э.С. Муратова – Симферополь: ЧН «Эльиньо», 2008. – 240 с.
3. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК), ф. П. 1, оп. 1, д. 388, л. 47.
4. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 13.
5. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 388, л. 142.
6. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 387, л. 22.
7. ГААРК, ф. П. 1, д. 387, л. 112.
8. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 693, л. 36.
9. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 807, л. 38.
10. Там же.
11. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 807, л. 74.
12. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 913, л. 54.
13. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 591, л. 160 об.
14. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 6.
15. Там же.
16. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 288, л. 22.
17. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 13.
18. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 823, л. 24.
19. Решения IV Пленума ОК ВКП(б). Декабрь 1929. – Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929.
20. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 5.
21. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 4.
22. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1812, л. 1.

23. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1041, л. 4 об.
24. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1041, л. 19.
25. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 807, л. 70.
26. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1041, л. 20.
27. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 15.
28. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 18.
29. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1041, л. 20.
30. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1041, л. 22.
31. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 33.
32. ГААРК, ф. П. 1, оп. 1, д. 1125, л. 40.

Кондратюк Г.Д. Діяльність «Союзу Войовничих Безвірників» в Кримській АРСР в контексті національної політики міжвоєнного періоду

В статті проаналізовано діяльність «Союзу Войовничих Безвірників» в здійсненні політики коренізації в Кримській АРСР. Досліджено диференціацію національно-релігійної політики стосовно національних меншин автономії. Вивчено специфіку заходів національної політики в міжвоєнну добу.

Ключові слова: «Союз Войовничих Безвірників», антирелігійна діяльність, Кримська АРСР.

Kondratiuk H.N. Activities of «League of Militant Atheists» in the Crimean ASSR in the context of national policy of inter-war period

The article deals with the analyses of the relations between the church and the state. The main components of state and anti-religions politics were revealed. The correlation of national politics and anti-religions state activity was observed. Specific character of anti-religions politics of the Crimean ASSR and its correlation with the national indigenous politics was studied.

Key words: national politics, anti-religions activity, Crimean ASSR.

30.03.2013 р.

УДК 94 (477):339.178«1933/1934»

М.В. Горох

**ГЛУХІВСЬКА
МІЖРАЙОННА БАЗА «ТОРГСИН»**

В даній статті автор, використовуючи широке коло архівних документів, розглядає невідомі раніше сторінки з історії функціонування Глухівської міжрайонної бази «Торгсин». Особлива увага приділена організаційній структурі, характеристичі її роботи, аналізу показників виконання валютного плану та плану реалізації товарів.

Ключові слова: Глухів, міжрайонна база «Торгсин», організаційна структура, крамниця.

18 липня 1930 р. на теренах Радянського Союзу почала працювати «Спеціальна контора для торгівлі з іноземцями на території СРСР», що отримала загальну відомість під аббревіатурою «Торгсин» [1, 19-20]. У червні 1931 р. організація, що до цього обслуговувала іноземців, переорієнтувалася на радянських громадян, яким дозволили купувати в осередках системи товари в обмін на золоті монети

старого карбування. Поступово до переліку цінностей, що скуповувало об'єднання, увійшли побутове золото, срібло, іноземна валюта, платина, коштовне каміння. Проіснував Торгсин до лютого 1936 р., коли був ліквідований [2, 23]. Представництво системи функціонувало й на Чернігівщині. У кінці 1932 р. у межах Чернігівської області була створена облконтора «Торгсин», що підпорядковувалася Всеукраїнській конторі та відповідала за успішне виконання планів мобілізації валютних цінностей для держави [3, 1].

Проблематика Торгсину і сьогодні залишається сферою наукових пошуків невеликого кола істориків. Серед російських дослідників слід відзначити роботи О.О. Осокіної [4], І.В. Павлової [5], В.А. Толмацького [6], а серед українських – В.І. Марочки [7], О.Ю. Мельничук [8], О.Д. Попова [9]. У своїх працях вони акцентують увагу на діяльності В/О «Торгсин» та ВУК «Торгсин», зрідка зупиняючись на ролі обласних контор. Фактично невідомою залишається історія окремих крамниць та міжрайонних баз (МРБ) системи, які безпосередньо вели боротьбу за виконання валютних планів та планів реалізації товарів.

Метою даної розвідки є спроба реконструювати організаційну структуру Глухівської МРБ, встановити головні напрямки її роботи, окреслити перелік проблем, з якими вона зіштовхувалася, проаналізувати показники виконання планів мобілізації цінностей та реалізації товарів підпорядкованих їй осередків. Дослідження ґрунтується на широкому колі уперше введених до наукового обігу архівних джерел, що зберігаються в архівних установах Чернігова, Ніжина та Києва. Хронологічно робота обмежена часом існування міжрайонної бази у Глухові.

Зі створенням обласних контор завершилося формування триступеневої організаційної структури Торгсину. Найвищий рівень (центр) репрезентувало Всесоюзне об'єднання, середній (республіканський) – Всеукраїнська контора, а нижчий – обласні контори. Останнім підпорядковувалися відділення та крамниці об'єднання. У 1933 р. для прискорення товарообігу і зменшення накладних витрат В/О «Торгсин» вирішило зорганізувати міжрайонні транзитні бази [10, 9]. Вже 25 травня на оперативній нараді при ВУК «Торгсин» Київській облконторі доручили домогтися від міськради виділення приміщення для організації міжрайонної бази, яка обслуговуватиме Київську, Вінницьку та Чернігівську контори [11, 8]. Планувалося, що аналогічні МРБ функціонуватимуть на базі універмагів, розташованих у районних центрах, охоплюючи дрібні осередки в радіусі 200 км [12, 1].

13 вересня 1933 р. постановою Правління В/О «Торгсин» при обласних конторах почали організовуватися міжрайонні бази, що, завдяки укрупненню відділень, сформували «кущову» організацію крамниць. Новий підрозділ мав стати